
Не пух палить – сжигать мосты
В опережение темноты,
Над алой бездной Петербурга
Упасть фарфоровой фигуркой
В зияние двух половин
Моста. Исход всегда один –
Разбить лицо о глубину,
В свисток высвистывать: «Тону».
И, глаз своих заклеив течь,
Спасаться, чтобы снова жечь
Мосты – не пух палить весной,

Где сверху пепла новый слой.
Воспоминание-вокзал
В виски мне залпом задышал
Названий, запахов, путей,
Цветной динамикой людей.
И недожжённое опять
Слоями рук придёт толкать
В зияние двух половин
Моста – исход всегда один...

Лампы нависли гирями.
Тучею – потолок.
Что в этот час ни выбери –
Позже сошлешь на рок.

Сцена – окошко с лицами,
Лишнее – пролистай.
Что никуда не годится,
Канет в дождливый май.

Жёлтые цветы пива
Растут из земли столов.
Нужно быть терпеливым,
Когда говоришь: «Готов».

Прожектор цвета меняет,
Как женщин, сто за минуту,
Сжигая лицо. Но в лае
Певцов догорать не буду.

Достаточно глаз горящих,
Что бусами смотрят в сцену.
И бар – это просто ящик
Для кукол обыкновенный,

Где лампы нависли гирями,
И тучею – потолок...
И что в этот час ни выбери,
Чуть позже сошлѐшь на рок.

Рисую на лице кистями рук
Картины мыслей. На вокзалах осень.
Зрачки-планеты вспыхнут и замрут,
Лишь хвойная задержится в них просинь.
Краснея с каждым часом, листья-щёки
Румянцем до зари не опадут.
Берёзы в окнах гениев – пророки.
Крошится небо градом. Солнце-пруд,
Погрязнув в тине туч, дождей кувшинок,
Цветѐт с листвой. Болото солнца жжѐт.
И Гелиос уже меняет шины
На золотом искрящемся «Пежо»,
И свитер тьмы он шьѐт к похолоданию.
Сорочка – ночь из кружевных светил.
Ещё немного, мир сгорит под тканью,
Что бог другой ещё не докурил.

Заляг на дно,
Сожми в кулак
Песок любви.
И жабры духа
Пусть выпьют реку,
Как вино,
Русалок плач –
Как медовуху.
Молчи, когда
Толпа Емель
Ворует золотую щуку.
Пускай тебя
Дурманит хмель
Русалочьего ультразвука.

Когда с небес
Часам к восьми
Луна-гондола
Спрыгнет в воду,
Песка ещё
Себе возьми,
Как нескончаемую одурь.

Люби на дне.
Под толщей лун,
Отпетый смехом алконостов,
Кощей сошьёт
Тебе иглу
Бессмертия
И спрячет в гнёздах.

Сидеть на вокзале затычкой стены,
Потом раствориться в вагоне.
Писать отпечаток прижатой спины
И рельс не увидеть агоний.
Смотреть на расписанный неба чертёж,
В поездке мечтать о полёте.
Когда долго едешь, то что-то поёшь,
Застряв на проверенной ноте.
И, ритм набивая на лёд из стекла
Окна непривычно-глухого,
Ты смотришь на то, как раздет догола
Октябрь. И что тут такого?
Ботинок разбитые брови опять
Закрашены вязкою жижей.
Какие-то птицы в полёте вопят,
Взлетая всё выше. Всё выше...

Окно, фонарь сквозь жалюзи
И смятый локоть абажура.
Стекло – застывшее УЗИ.
На потолке крыло Амура,

Не долетевшего – туда,
Не дострелившего – кого-то.
Он врезался в окно. Удар.
И сотрясение. И рвота.
Кусок разбитого крыла
Из сувенирной лавки. Бусы
В шкатулке. Я в ломбард взяла
Их вместе с брошью из Тарусы.

Несу. Разбитое окно
Мне светом тусклой лампы машет
Рукою-трещиной. Пятно
Свечения, чем дальше – краше.
Фонарь сливается с окном
И вместе с ним одним сукном,
Как платье улицы – всё в пятнах.
Их нищета благоприятна.
Нет выхода. Ступай вокруг –
Везде окно. Внутри, снаружи...
Окно. Скрипит нависший лук:
По потолку, как муха, кружит –
Амур. Он загнан под формат,
Как абажур. Как ламинат.

Красной сердечной мышцей
Бьётся кирпич о кирпич,
И новое сердце крыши
Горит, как свеча, москвич.
Запутаны переулки,
Как жребии в тонкой вазе.
Кирпичное сердце гулко
И быстро в последней фазе.
Куда ни свернёшь – краны,
Только из них не помыться –
Засыпят тебя туманом
Отходов сердечных. Птица
Коричнево-серой стройки
Взлетит над городом пьяным.
Холодным. Неслышно ойкнут
Сухих недостроенных раны.
Засыпья песком. Осанна.

А пальмами будут свечи
Алеющих крыш и кранов
И серых вагонов плечи.

День прожигает в солнце молодость.
В пиале – морем рыжим чай.
Характер осени – не золото,
Рассветов нет – и не встречай.
Ну, вылей с чаем разноцветное,
Как занавеску, натяни
На город вечер, дождь, огни
И настроение сонетное.
Опять бульварные лучи
Дороги светом чертят ложные,
И люди – смерть в футлярах кожаных –
Идут по тротуарам. Мчит
Сороконожкой нелепою
Неуспевающий трамвай.
И птиц аморфных кормит хлебом
Бродяг и псов насыщенный лай.
Рассветы прогорают с лунами:
Надёжности в их деле нет.
Романтику и семиструнную
Бросают в мусорный пакет.
Температура дней зашкалила.
Туристам наливайте чай,
Что морем обожжёт по талию.
Рассветов нет – и не встречай.
Характер осени – не золото:
Характер продан, честь взята.
Лишь позвонки серпа и молота
Торчат с метровского хребта.

И последнее солнце опало с листвою,
Закатилось за небо осеннее.
В этот час, в этот день всё сменилось зимой,
И зима обещала спасение.

Заморожу тебя, говорит, и поди
Поцелуй затвердевшие лужи
Сапогом. Для тебя их ковали дожди,
Пока ветры горланили в уши.

А потом закружи, упади, поднимись,
Только лёд – это та же крапива –
Обожжёт, устремляясь в бездонную высь,
Где вечернее небо сонливо.

И в букете огней, в аромате духов
Бесконечной толпы и счастливой
Затеряйся среди куртко-шуб-пиджаков
Под холодной зарёй чернослива.

И созвездия все, словно нити, сгорят,
И судьба на ладони растает.
Вот и звёзды вдали все становятся в ряд,
С ними солнце – медаль золотая.

Как бенгальский огонь, догорел выходной,
И снежинки всех судеб опали.
И последнее солнце опало с листвою,
Укатилось в осенние дали.